

УДК 903.53
ББК Т48

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ ЖЕРТВЕННИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ¹

К.Г. Коноплева

В статье рассматривается история изучения каменных жертвенников в фокусе их функционального назначения. Приводятся основные гипотезы и точки зрения исследователей в отношении обозначенного вопроса начиная с конца XIX века до современности.

Ключевые слова: каменные жертвенники, функциональная роль, ранние кочевники Евразии.

Наиболее острый и нерешенный до сих пор вопрос в области изучения каменных жертвенников – это вопрос их функционального назначения. Впервые, в 1887 году, граф Алексей Александрович Бобринский в своей работе уделяет этим предметам отдельное внимание: они были найдены во время проводившихся им раскопок в Среднем Поднепровье. Если в томе 1 своей книги, он рассматривает каменные алтарики как предметы для точения оружия, а также, возможно, для растирания краски [4, с. 88–89], то уже в томе 3 своей книги исследователь выдвигает вполне сформированное мнение о функциональной роли каменных алтариков: «эти предметы предназначались для растирания краски, а может быть, и зерен» [5, с. 79]. Кардинально отличается мнение П.В. Алабина, который пишет: «эти скамейки, как мы полагаем, употреблялись при совершении каких-либо религиозных обрядов...» [1, с. 7]. В отличие от А.А. Бобринского ученый считает, что для растирания красок, а также зерен, эти блюда служить не могли, в связи со своей «валкостью» и размерами дна. По его мнению, эти столики были принадлежностью, быть может, буддийского богослужения или просто употреблялись как посуда в домашнем хозяйстве [1, с. 9]. Сторонником гипотезы П.В. Алабина является А.В. Попов [19, с. 65].

Таким образом, уже в конце XIX века обозначились два совершенно противоположных взгляда на функциональное назначение каменных жертвенников. В течение всего XX века авторы, занимающиеся данной проблематикой, были приверженцами либо точки зрения А.А. Бобринского (косметической гипотезы), либо точки зрения П.В. Алабина (культовой гипотезы).

Со временем добавлялись лишь относительно новые данные и наблюдения об их функциональной роли. Так, А.М. Тальгрэн впервые ввел термин «портативные алтари». По его мнению, они, наряду с металлическими

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-01011a1.

жертвенными столами, могли выступать в качестве подставок и столов для сакральных сосудов. Кроме того, он считал, что они не могут использоваться как «курильницы», так как на них нет следов жирных пятен и сажи [25, с. 51–52]. В 1947 году издается работа Б.Н. Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов)», которая стала важнейшим этапом в изучении каменных столиков. Относительно функциональной роли каменных блюд автор отмечает: «в них едва ли можно признать туалетные дамские принадлежности: для растирания румян и белил они слишком громоздки. Для этой цели употреблялись створки речных раковин и костяные ложечки» [8, с. 648]. Скорее всего, по его мнению, это были переносные алтари для проведения религиозных очистительных культов, которые так хорошо подходили для кочевого образа жизни. Растертый реальгар, который находят на блюде, быть может, символизировал кровавые жертвы еще при жизни. [8, с. 645–649]. Известный сарматолог К.Ф. Смирнов несколько дополнил и развил эту теорию. Он писал: «почти весь вещественный материал, который я привлекаю как исторический источник, представляет погребальный реквизит и поэтому сам по себе в той или иной степени связан с религиозными представлениями...» [20, с. 162]. Этим тезисом он изначально возводит каменные алтарики в ранг культовых вещей. По его мнению, они использовались длительное время, о чем свидетельствуют многочисленные повреждения, особенно стертые ножки [20, с. 166]. В красной краске, помимо символа кровавых жертв, он видит параллель со светом, огнем, жизнью и радостью, ссылаясь на работу Ю. Липса «Происхождение вещей» 1954 года. Исследователь пишет, что скотоводам Поволжья, Южного Урала и Казахстана свойствен культ солнца и огня. Следовательно, каменные жертвенники – это также алтари огня. Они использовались или для воскурения ладана, или служили культовыми светильнями для горения в них священного огня. На эту мысль наталкивают темные жирные пятна и угольки. Воскурения происходили с помощью хвойных деревьев (об этом свидетельствуют куски сосны, обнаруженные на каменных столиках в кургане 2 и 3 могильника Тара-Бутак) [20, с. 167]. В целом его точка зрения обобщенно представлена в следующем пассаже: «Мне представляется, что савроматские жертвенные блюда были универсальными культовыми объектами, связанными, прежде всего, с почитанием огня, но не обязательно только с ним. На них могли ставить жертвенные сосуды и другие предметы, служившие для отправления туземных культов, например, раковины с краской, зеркала и пр. На них воскуривали или растирали ароматические вещества, смолистые душистые куски сосны и можжевельника, благовонные травы, смолу. Такие воскурения у многих народов представляли своего рода жертвоприношения туземным богам и предкам. Могли также жечь одурманивающие вещества» [20, с. 254]. Культовую точку зрения поддерживает В.Г. Петренко [18, с. 36], М.К. Кадырбаев и Ж.К. Курманкулов [12, с. 69], а также Б.А. Шрамко [24, с. 102].

В конце 1960-х годов распространяется косметическая интерпретация изучаемых предметов, предложенная В. А. Ильинской [11, с. 150–151]. Она не видит оснований сблизать скифские блюда с савроматскими каменными алтарями-жертвенниками. По ее мнению, комочки серы, куски красной и белой краски едва ли имеют какой-то ритуальный смысл, символизирующий огонь или кровавое жертвоприношение. Все намного проще. Они имеют чисто утилитарное значение для нанесения краски, смешанной с жиром, на лицо женщин. В 1976 г. выходит статья А.М. Мандельштама, в которой приведен трасологический анализ каменного жертвенника, сделанный Г.Ф. Коробковой; этот анализ показал, что данное блюдо использовалось как краскотерка [14, с. 24]. Придерживается этой точки зрения В.Ю. Мурзин [16, с. 187], Г.Т. Ковпаненко [13, с. 112] и В.Ю. Зуев [9, с. 134–135]. Последний исследователь для подтверждения приводит цитаты из «Истории» Геродота, который пишет о косметических процедурах скифянок, а также он проводит анализ взаимовстречаемости алтариков с другими категориями инвентаря. В целом, вся работа В.Ю. Зуева направлена на критику идеи Б.Н. Гракова о «савроматских жрицах» и его главная цель развенчать «миф» о них [10, с. 60–61].

Сторонниками дуальной гипотезы (о «переплетении» ритуальной и бытовой функций каменных алтариков) являются В.С. Ольховский [17, с. 72] и И.Б. Брашинский [6, с. 56].

В 1998 году В.Н. Васильев выдвинул идею о растирании красок на жертвеннике для нанесения татуировки. Это подтверждают, по его мнению, находки растиральников, красящих веществ, пестов и кусков дерева рядом с алтариками [7, с. 32]. М.Г. Мошкова в своей работе поддержала мнение В.Н. Васильева и К.Ф. Смирнова. По ее мнению, особую роль в погребальном обряде вместе с алтарями играли бронзовые зеркала. Также она полагает, что к группе предметов, нередко сопровождающих жертвенники, можно отнести маленькие железные ножички, шильца, костяные проколки, железные и бронзовые иглы, маленькие веточки и бронзовые колесики-амулеты. С точки зрения автора, они могли использоваться в наборе с алтариком для нанесения татуировки. Она также замечает преднамеренную порчу каменных блюд и не отрицает, в том числе, возможности использования каменных жертвенников как подставок для курильниц. [15, с. 209–211; 21, с. 86–87]. Не обошел эту проблему стороной и В.К. Федоров. Он в своей статье придерживается метода доказательства «от противного», т.е. вначале как бы пытается принять точку зрения исследователя, но малая доказательная база этой точки зрения позволяет ему не соглашаться с мнением оппонента. Так, вначале, он пишет, что «савроматские жертвенники» служили, прежде всего, для растирания чего-то на их внутренней поверхности, «данное их предназначение было приоритетным, все же остальные следы проявления антропогенного воздействия, фикси-

руемые на них, имеют вторичный, а порою случайный характер» [22, с. 55]. Далее автор указывает, что краска на алтаре не растиралась, а всего лишь происходило натирание ею жертвенников, что несет только семантическую нагрузку. В дальнейшем В.К. Федоров приходит к выводу, что наличие зооморфных, орнаментальных и символических мотивов на жертвенниках говорит об их сакральной функции. Он учел предметы, которые находились в непосредственной близости от жертвенника. Это предметы, по его мнению, явно не имеющие отношение к приготовлению косметики: сосуды, кости животных, наконечники стрел, удила с уздечным набором, пряслица, бусы и др. [23, с. 59].

Несколько новые идеи о каменных жертвенниках были привнесены оренбургским археологом В.Е. Трегубовым. По его мнению, форма каменного блюда была одним из значимых смысловых признаков. Круг являлся символом неба и небесных святил и олицетворял мужское начало, а квадрат связывался с землей и олицетворял женское начало. Ладьевидные, овальные и алтарики других форм являлись промежуточным звеном. Количество ножек, он считает, также несет смысловую нагрузку: «нечетные числа имеют прямое отношение к Небу, четные к Земле» [22, с. 57–58]. Исследователь отмечает, что практически все алтарики в древности находились в длительном использовании. В погребениях блюда помещались на дне ямы, но встречаются и случаи нахождения алтариков на уровне дневной поверхности (под насыпью кургана) или в насыпи. Автор не отрицает гипотезу об использовании данных предметов как алтарей огня, сопоставляя сарматские жертвенники с алтарями, обнаруженных в святилищах Байте I, III и Шкуновском святилище. Мелкозернистые песчаники в отличие от крупнозернистых могут выдерживать различные перепады температур. Также некоторые каменные столики содержат следы красной краски – реальгара и следы пятен. По мнению В.Е. Трегубова, алтарики нельзя рассматривать как краскотерки. Песчаник – материал пористый, и при длительном растирании реальгар способен пропитывать его довольно глубоко [22, с. 65–68].

А.Л. Банников, не отрицая культовую принадлежность алтариков, относит данный инвентарь к жреческому. На основе других категорий инвентаря и, в целом, на погребального обряде, он выделяет жреческое словие [2, с. 177–178]. Нельзя обойти стороной и другую его статью, посвященную зооморфным композициям на жертвенниках. Он считает, что эти композиции являются отражением их обрядовой и религиозной принадлежности. Также как в Иране зороастрийские алтари огня имеют трехступенчатое основание и трехступенчатую верхнюю часть, рисуя тем самым модель мира, так и каменные жертвенники имеют свою трехступенчатую модель мира в виде изображения зверей, поверхности блюда и фриза выступают в роли разделителя этих миров. Зверь на ножке символизир-

ровал нижний мир, поверхность блюда – верхний, а фриз являлся разделителем. Также исследователь рассматривает изначально изображения в зверином стиле как одно из отражений религиозной жизни общества [3, с. 167]. Несмотря на интересную гипотезу о модели мира, по нашему мнению, данная идея о трехступенчатом основании кажется, недостаточно обоснованной и требует определенной доработки.

Как мы видим, в рамках более чем столетнего изучения каменных алтариков скифской эпохи, до сих пор остается актуальным вопрос об их функциональной роли. Думается, что ключом к решению этой проблемы – является полный сбор материала с учетом многочисленных новых находок, корреляция алтариков материалом погребальных комплексов и проведение трасологического анализа.

Библиографический список

1. Алабин, П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее / П.В. Алабин. – Самара: Губернская Типография, 1895. – 19 с.
2. Банников, А.Л. «Жертвенники» как социальный маркер (к вопросу о наличии жреческого слоя у кочевников Южного Урала) / А.Л. Банников // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). – Уфа: изд-е Башкирского университета, 2000. – С. 177–178.
3. Банников, А.Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретации изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала / А.Л. Банников // Сибирский сборник: погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – Книга I. – СПб., 2009. – С. 167–175.
4. Бобринский, А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники пятилетних раскопок / А.А. Бобринский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. – Т. 1. – 172 с.
5. Бобринский, А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок 1889–1897 / А.А. Бобринский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – Т. 3. – 174 с.
6. Брашинский, И.Б. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону / И.Б. Брашинский // КСИА. – 1973. – № 133. – С. 54–61.
7. Васильев, В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала / В.Н. Васильев // Уфимский археологический вестник. – Уфа: НМ РБ, 1998. – Вып. 1. – С. 25–43.
8. Граков, Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) / Б.Н. Граков // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937–1997. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. – С. 638–659.
9. Зуев, В.Ю. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства Евразийской Скифии VII–V вв. до н. э. / В.Ю. Зуев // Маргулановские чтения (сборник материалов конференции). – Алма-Ата: АН КазССР, 1989. – С. 134–135.

10. Зуев, В.Ю. Научный миф о «савроматских» жрицах / В.Ю. Зуев // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. – СПб.: Проект «Скифо-Сибирика». – С. 54–68.
11. Ильинская, В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья) / В.А. Ильинская. – Киев: «Наукова Думка», 1968. – 267 с.
12. Кадырбаев, М.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области / М.К. Кадырбаев, Ж.К. Курманкулов // КСИА. – 1978. – № 154. – С. 65–70.
13. Ковпаненко, Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось / Г.Т. Ковпаненко. – Киев: «Наукова Думка», 1981. – 162 с.
14. Мандельштам, А.М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия / А.М. Мандельштам // КСИА. – 1976. – № 147. – С. 21–26.
15. Мошкова, М.Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре / М.Г. Мошкова // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 201–215.
16. Мурзин, В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья / В.Ю. Мурзин. – Киев: «Наукова Думка», 1984. – 132 с.
17. Ольховский, В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.) / В.С. Ольховский. – М.: «Наука», 1991. – 256 с.
18. Петренко, В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. / В.Г. Петренко // САИ. – 1967. – Вып. Д1-4. – 180 с.
19. Попов, А. По поводу доклада А. И. Деревенскова / А. Попов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Паровая типолитография Ф.Г. Каримова, А.А. Хасаинова и Ко, 1911. – Т. XXIII. – С. 60–73.
20. Смирнов, К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К.Ф. Смирнов. – М.: «Наука», 1964. – 360 с.
21. Таиров, А.Д. Каменные жертвенники как источник по связям кочевников Южного Урала со скифским миром / А.Д. Таиров, К.Г. Коноплева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 18. – № 10 (269). – С. 86–87.
22. Трегубов, В.Е. Сарматские жертвенные алтари из музейных собраний Приуралья / В.Е. Трегубов // Культурное наследие степей Северной Евразии. – 2000. – Вып. 1. – С. 57–72.
23. Федоров, В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья / В.К. Федоров // Уфимский археологический вестник. – 2000. – Вып. 1. – С. 49–75.
24. Шрамко, Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б.А. Шрамко. – Киев: «Наукова Думка», 1987. – 182 с.
25. Tallgren, A.M. «Portable Altars» / A.M. Tallgren // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – XI. – Helsinki : K.F. Puromiehen Kirjapaino O.Y., 1937. – Pp. 47–68.

[К содержанию](#)